

БОЛГАРИЯ И ПАМЯТНИК СТЕФАНУ СТАМБОЛОВУ*

В. И. Косик

Косик В. І. Болгарія і пам'ятник Стефану Стамболову. Стаття присвячена неоднозначному сприйняттю імені Росії, її політики Болгарії у другій половині XIX ст. Основну увагу приділено Ст. Стамболову, який прагнув «звільнити» країну від «щільної опіки» Росії.

Ключові слова: Болгарія; Росія; Софія; Петербург; Сан-Стефано; Олександр III; Стамболов; Баттенберг; Фердинанд; російська дипломатія; русофобство; русофільство; незалежність.

Косик В. И. Болгария и памятник Стефану Стамболову. Статья посвящена неоднозначному восприятию имени России, ее политики в Болгарии во второй половине XIX в. Основное внимание уделено Ст. Стамболову, который стремился «освободить» страну от «плотной опеки» России.

Ключевые слова: Болгария; Россия; София; Петербург; Сан-Стефано; Александр III; Стамболов; Баттенберг; Фердинанд; русская дипломатия; русофобство; русофильство; независимость.

Kosik V. I. Bulgaria and the monument of Stefan Stambolov. The article is devoted to an ambiguous perception of the name of Russia, its policy in Bulgaria in the second half of the 19th century. The main attention is given to St. Stambolov, who sought to “liberate” the country from “powerful guardianship” of Russia.

Key words: Bulgaria; Russia; Sofia; St. Petersburg; San-Stefano; Alexander III; Stambolov; Battenberg; Ferdinand; Russian diplomacy; russophobia; russophilism; independence.

Русский дипломат К.Н. Леонтьев в известной «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии» (1865 г.), рассуждая о влиянии России и имени ее на Балканах, подчеркивал, что молодежь равнодушна к России. Даже тем, кто ее любит, она видится только дружественным государством, обладающим грозной армией свыше полумиллиона штыков. Образование и ум надо искать на Западе, только не в России, которая может пригодиться балканским народам в кризисных ситуациях, но не более того. Здесь Константин Николаевич и прав и неправ. Безусловно, что прорусские симпатии у болгар были обусловлены надеждой на избавление от османской власти при помощи единоверной и славянской России. Но «среди балканских народов всегда существовали сильные опасения, что ценой такого освобождения будет их включение в состав Российской империи»¹. Разумеется, их исторические корни были далеко не одинаковы, как и отношение к России – этому православному «опекуну» и грозному наследнику Византии, на преемство которой претендовала Болгария.

Великий болгарин П.Р. Славейков написал следующие строки: «Руский цар е на земята най-велик, над всички пръв; русите са наши братя, наша плът и наша кръв. Кат Русия няма втора тъй могъща на света; тя е нашата опора, тя е нашата висота! Руска сила, руска воля, руска кръв и руский пот ще избавят от неволя наший падналии народ. Бог поддържа крепка мишца и ръка спасителна; той е вложил ней в десница сабя отмъстителна. Нам Русия е надежда, руский цар е наший спас – никой друг не ни поглежда, не помисля зарад нас. Немци, френци, англичани юди наши са враждебници, дружи с нашите тирани, наши са изедници... да смират се интриганти, да живее руский Бог!»^{2**}.

Были другие мысли о России, принадлежавшие революционерам. Например, Г.С. Раковский в 1861 г. в своей брошюре «Преселение в Русия, или руската убийствена политика за българите» писал: «Руското правителство, кое досега лъстеше нашите добродушни българи със сякакви лукави и лъжовни обещания, днес вече открива булото си и явно

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00145а.

** Перевод: «Русский царь на земле самый великий, над всеми первый; русские наши братья, наша плоть и наша кровь. Такой, как Россия, нет могущественнее в мире; она наша опора, она наша высота! Русская сила, русская воля, русская кровь и русский пот избавят от неволи наш павший народ. Бог поддерживает крепкую мышцу и руку спасительную; он вложил в ее десницу саблю отмстительную. Нам Россия есть надежда, русский царь – наше спасение, никто другой на нас не взглянет, не позаботится о нас. Немцы, франки, англичане иуды – наши неприятели, дружные с нашими тиранами, наши кровопийцы... Пусть смиряются интриганы и да здравствует русский Бог!».

показва убийствената и злобната си политика към тях. То е наумило и труди се с всяките лукави и бесчестни средства да разори и опустоши милото ни Отечество България и... нашата народност, самото нам скъпоценно и свято наследие!... Длъжност свята към милото ни Отечество налага ни да открием простодушному народу какво нещо е тая Русия и нейното мъчителско монголско правителство, и какви вечни мъки ги чакат, ако са тия излъжат и идат да влязат в нейните железни нокти...»^{3*}.

Здесь забывается одно, Россия не была в состоянии тогда приступить к освобождению Болгарии, и в Петербурге не желали вступать в открытый конфликт с Европой.

Один из великих учителей болгарского народа Любен Каравелов, выпускник Московского университета, как и многие, надеялся, верил, ожидал реальной помощи от России в освобождении от турецкого ига, что, впрочем, не мешало ему и критиковать ее весьма яростно за отсутствие немедленной помощи, даже считать Россию виновницей того, что болгарский народ продолжает страдать, мучиться, быть попраным уже пятьсот лет османликами. Видимо, Каравелов в царской власти видел своеобразную мертвую силу, деспотию, мучающую свой народ, и не желающую поспешить с освобождением болгар.

Но люди, даже великие, склонны ошибаться.

Нужно вспомнить Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. (на памятнике медицинским чинам в Докторском саду в Софии она названа Турецкой; просто надо помнить, что в ней сражались с турками не только «московцы», вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны), когда русские воины сражались вместе с болгарскими братьями.

И немного из мира дипломатии: на подписании Сан-Стефанского договора по приглашению русской стороны присутствовал только один болгарин – Каравелов.

В Болгарском княжестве, во главе которого был русский ставленник немецких кровей – князь Александр I Баттенберг, была принята довольно демократическая конституция с набором таких прав и свобод, о которых могли только мечтать российские либералы. Одно было плохо: неразрешенность вопроса объединения с Восточной Румелией (Южной Болгарией) и Македонией.

Болгарские государственные мужи, лидеры политических партий понимали, что только Россия может помочь стране в реализации этих задач.

И несколько слов о государственности: это – власть, а таковой в Болгарии не было. Была страна Болгария, управление которой, но не власть, переходило из рук в руки, не всегда чистые. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать прессу того времени. Общественно-политическая жизнь Княжества была как взбаламученное море, где можно было с успехом «половить рыбку» и для себя, и для партий, число которых увеличилось.

Добавлю, что и сам принцип монархической власти плохо приживался в стране после пятисот лет турецкого владычества, тем более что ее носитель не был болгариним. Владелец трона, но не страны, был, в сущности, не «королем», а «пешкой» в политических играх русских и болгарских деятелей. При этом «неспособность» князя быть простым исполнителем воли Петербурга, а чаще всего следовать «советам-приказам» отдельных русских представителей, каждый из которых имел свое видение ситуации стране, вела к его плохой «приживаемости» на троне и, в конечном счете, к удалению из Болгарии.

Методом проб и ошибок страна все же накапливала опыт управления, но, пока, не власти. Свою роль играли здесь и такие факторы, как отсутствие опыта, традиций, кадров, но прежде всего – опекунов России. Это парадоксально, но, тем не менее, так. Освободить «задунайскую» территорию было гораздо легче, положив свыше двухсот тысяч солдат, нежели неявно руководить в стране, где болгарский национализм требовал – «Болгарию для болгар». Россия же должна была выполнить одно: воплотить Сан-Стефано в жизнь. В России видели силу, которая должна быть поставлена на службу интересов братского болгарского народа.

* Перевод: «Русское правительство, которое до сих пор лстит добродушным болгарам всякими лукавыми и лживыми обещаниями, сейчас уже снимает свою маску и явно показывает убийственную и злобную свою к ним политику. Оно надумало и трудится всеми лукавыми и бесчестными средствами разорить и опустошить милое нам отечество Болгарию и... нашу народность, самое нам драгоценное и святое наследие!... Святой долг к нашему милому Отечеству обязывает нас открыть простодушному народу что такое эта Россия и ее монгольское правительство мучителей, и какие вечные муки их ждут, если они соблазнятся и ... попадутся в ее железные когти...».

И ей постарались помочь, устроив в 1885 г. революцию в Южной Болгарии и воссоединение с Северной Болгарией под главенством Александра Баттенберга. В сущности, новую ситуацию можно было сравнить с той, в которой оказалась Россия, подписавшая Сан-Стефанский договор. Теперь Болгария с князем оказались в положении стороны, вынужденной «исправлять» ситуацию. Но история, если и повторяется, то вероятно, и в «кривом зеркале», что и произошло.

Политика «кнута и пряника», проводимая русскими дипломатами после воссоединения Болгарии, проведенного без согласия Петербурга, без одобрения царя, ненавидевшего ее князя Александра Баттенберга, подняла к вершине власти Ст. Стамболова. Его имя прочно вошло в историю Болгарии как видного политического и государственного деятеля, который был и болгарским Гладстоном, и диктатором, тираном и освободителем, апостолом и главным полицейским. Добавлю: бывший семинарист Одесской духовной семинарии, читатель Н.Г. Чернышевского, П. Прудона, М.А. Бакунина, К. Маркса, участник Старо-Загорского восстания (1875 г.), автор ряда песен, популярных в повстанческой среде, защитник македонских болгар перед русским императором Александром III, либерал, превратившийся в «либерала». При этом, судя по многим документам, всюду Ст. Стамболов был искренен в своих действиях, всегда направленных, по его мнению, на благо отечества.

Только два «политических примера».

Первый.

В январе 1885 г. Ст. Стамболов утверждал, что «от князя можно отделаться только силой, т.е. арестовать его и выпроводить с конвоем за пределы княжества... На время междоусобия власть должна находиться в крепких и сильных руках какого-нибудь диктатора. Но кто употребит эту силу против князя? И кто явится диктатором? – вот вопросы на которые ответ может дать Петербург, т.к. армия в наших руках, а кандидатов в диктаторы среди болгар нет»⁴. Стамболов оказался прав в первой части относительно способа низвержения князя, во второй – ошибался. Диктатором стал именно он.

Второй.

В июне 1886 г. Ст. Стамболов вместе с П. Каравеловым заявили в русском дипломатическом представительстве в Софии, что «Болгария без поддержки и покровительства России существовать не может». Для нормализации испорченных отношений они были готовы распустить негодное императорскому правительству Народное собрание и уступить свое место правительству, удобному России. Не было только одного – согласия на устранение князя⁵. Баттенберг воспринимался многими болгарскими политиками как гарант независимости страны.

Ст. Стамболов, этот «болгарский Бисмарк», решил тогда побороться с Россией за «Болгарию для болгар», громивший русофилов и прочих оппозиционеров, имевших отличное от него мнение о России. Естественно, для русофилов он входил в ряд «мерзавцев» и «честолюбцев», которые для удовлетворения своего честолюбия готовы разорить болгарский народ⁶.

Но не все так просто. В своей дневниковой записи от 6 декабря 1886 г. Стамболов писал: «В нашей борьбе с турками Россия была для нас святая, мы на нее смотрели с полным и беспредельным доверием, от нее мы ожидали, что она нам поможет и нас освободит, и, действительно, наши надежды оправдались! Тогда мы глядели с ненавистью и отвращением не только на турков, но и на австрийцев, на немцев, а больше всего на англичан, потому что они поддерживали сторону турков и... кричали, что Россия не идет освобождать христиан от турков, но идет их поработать и со временем завладеть и поглотить. Какой болгарин верил этим немецко-английским бессмыслицам? Кто не относился к ним с презрением и даже с отвращением как к подлым и бесчестным интригам?... Сейчас многие болгарские деятели, которые 10–12 лет назад отдали бы жизнь под русскими знаменами в войне с Германией, Австрией и Англией, не подумали бы помогать русским, и даже желали бы, чтобы русские были... побеждены, чтобы Болгария могла свободно вздохнуть и укрепиться внешне и внутренне как государство. Одно время турки душили болгарскую свободу и народность, сейчас то же самое хотят делать наши братья освободители. Одно время всякое зло для болгар шло из Цариграда, сейчас идет из Петербурга. Одно время мы боролись и сторонились турков, сейчас то же самое с русскими. О, как изменились дела: поэтому не странно, что изменились и симпатии болгар. Послушные до вчерашнего времени русским,

мы сегодня боимся их как огня и чумы... Когда мы поняли, что Россия хочет уничтожить Царство наше, захватить нашу землю, погубить народность нашу и усесться в нашем доме, мы ... собрали силы и началась между Россией и нами страшная и непримиримая дипломатическая война, война между освободителями, сейчас превращенными в грабителей, и освобожденными, между маленьким и слабым Давидом и исполином Голиафом»⁷.

Здесь соседствует правда со страхом, представление России как абсолютного зла для Болгарии, не желающей стать своеобразным ягненком для «русского волка». Могу сказать здесь лишь одно: Россия не собиралась оккупировать Болгарию, чего так опасались Стамболов и его окружение. И еще: обстановка в стране воспринималась русской и болгарской сторонами в своеобразном кривом зеркале, где каждая видела другого в превратном виде. Соответственно, дело не ограничивалось «зеркалом».

Группа офицеров, верных заветам единства с Россией, 9 августа 1886 г. вынудили покинуть трон Александром Баттенбергом, чей уход должен был послужить первым шагом к восстановлению прежних отношений со своей освободительницей. Один из руководителей заговора Р. Дмитриев в своем заявлении для русской прессы отмечал: «Мы, болгары, всегда видели в России державу, которой мы обязаны всем и которая одна может обеспечить нашу национальную независимость и объединение... Наши мечты были ... достигнуть славянской федерации в форме объединения вооруженных наших сил под общим управлением Великого Царя. Мы сознавали, что к достижению этого идеала было много политических препятствий и мы стремились к тому, чтоб если не формально, то по крайней мере фактически установилось это объединение. Вначале все шло как следует и в лице Баттенберга мы видели только представителя Русского императора. Но, не имея ничего общего с нами, немецкий принц не захотел служить великой идее, связующей нас с Россией. Но каково было наше удивление, когда мы, вместо ожидаемого сближения, прочли турецко-болгарское соглашение, по которому в случае нужды Баттенберг был готов преподнести болгарский контингент султану для борьбы против внешних врагов, следовательно, и России. Терпению нашему пришел конец, мы видели, что отечество находится на краю гибели... Спасти его, по нашим понятиям, можно было только удалив из страны принца Баттенберга»⁸. И таких людей как Дмитриев, позднее служивший верой и правдой в рядах русской армии в годы Первой мировой войны, было немного.

Верхушечный переворот провалился. Власть перешла в руки организовавшего разгром заговорщиков Стамболова, видевшего в царской политике и ее сторонниках прямую угрозу для независимости Болгарии. Наступало время очередного «варяга» – князя Фердинанда Кобургского.

Для Болгарии и Австро-Венгрии Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели навязываемая Петербургом кандидатура русского подданного князя Н.Д. Мингрели, проваленного в Софии, по-прежнему опасавшейся превращения страны в «Задунайскую губернию» России. Выступая своеобразным спасителем от «русской угрозы», Фердинанд надеялся, что болгары будут отстаивать его, защищая свой суверенитет. Именно «русская опасность» заставила Софию поспешить с возведением на трон «самовидвиженца» Фердинанда.

Замечу, что болгарский монарх «мешал» не только царю. Он начинал действовать на нервы и фактическому властителю страны Стамболову, который ради «независимости» ее от той же России жертвовал «свободой», свирепо подавляя инакомыслие, преследуя русофилов. Здесь особенно отличалась своим ярко выраженным русофобством проправительственная газета «Свобода». В связи с рядом бедствий, обрушившихся на Россию в 1892 г., на ее страницах допускались и такие фразы, как: «в прошлом году – голод, в этом – холера, в следующем – дай Бог и чуму в Россию!»⁹.

В прессе встречались и выпады против императора и его семьи. В воспоминаниях английского дипломата Е. Пирса есть объяснение этой газетной травли. Так, в ответ на реплику Пирса о неблагоприятности подобной кампании в печати, Стамболов резко отвечал, что, имея дело с Россией, нужно держать в руках дубину, которой следует наносить удары везде и повсюду¹⁰. При этом отмечу, что все это не мешало болгарской дипломатии зондировать почву для примирения¹¹.

И здесь необходимо все же процитировать одну приписываемую ему максиму: «Винаги с Германия и никога срещу Русия» («Всегда с Германией и никогда против России»). Это утверждение чрезвычайно сложно толковать, зная, что авторство этой фразы принад-

лежит, с гораздо большим основанием, царю Борису III. Но если предположить, что именно «болгарский Бисмарк» произнес эти слова, то все же они были связаны с некоей политической ситуацией, возможно, когда он хотел «освободить» страну от князя Фердинанда.

Гораздо более естественно его никем не оспариваемое изречение: «Русия ни освободи, кой ще ни освободи от Русия?!» («Россия нас освободила, кто нас освободит от России?!»). И здесь Стефан Стамболов сам прилагал к этому «освобождению» немалые усилия.

Его взгляд на Россию разделяли многие националисты, неприязнь и неверие которых к России, ее политике могла бы быть сконцентрирована в следующих словах-объяснениях:

1. Я люблю Россию, но ненавижу русскую политику.
2. Я люблю Россию, но только когда она не решает свои дела за меня.
3. Я люблю Россию, но ненавижу самодержавие.
4. А за что я должен любить Россию, если после 1878 г. моя родина оказалась под двойным русско-турецким игом?
5. А за что я должен любить Россию, если она всегда была для меня мачехой?
6. А за что я должен любить Россию, если освобождение ею моей страны связано с оккупацией?
7. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии.
8. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию ее первого князя.
9. Я ненавижу Россию, потому что я всегда «меньший брат» для нее.

Да, конечно, Стамболов и иже с ним в своей решимости спасти страну от слишком «навязчивой» России, и ратуя за «свободу от нее», в итоге превращались в «крепостников» независимости Болгарии.

Болгария, Болгария и еще раз Болгарии, ее «спасение» от России — вот что ставилось во главу угла. Но что было возможно в легенде о Давиде и Голиафе, не подтверждалось течением болгаро-русских отношений. Надо думать, что сама государственность страны была не более чем фикцией при наличии прежнего статуса вассальности и непризнанном великими державами князе.

Болгария стала государством для болгар, но для своих соседей и Европы она как бы не существовала. Ни в Стамбуле, ни в европейских столицах не желали помогать русской дипломатии в «горючем» болгарском деле, чреватом очередным военным пожаром. Помочь восстановлению Болгарии из государственного небытия, появлению ее на международной арене могла только Россия.

В этой ситуации, в стране, очевидно, были и те, кто, зная историю, предвидел конец диктатуры Стамболова, расценивая ее как необходимый, но преходящий этап по переходу власти в руки «доброего и справедливого» Фердинанда в отличие от «злого и несправедливого» Стамболова. Такой вариант проигрывался и самим болгарским диктатором, обещавшим России выдворить князя из страны в обмен на определенные гарантии. Тогда Фердинанд спасло, скорее всего, недоверие русской дипломатии к Стамболову и уверенность в том, что освобождение престола князем устроится без каких-либо действий с ее стороны.

Итак, освободитель Болгарии от России Стамболов оказывался ее «крепостником» вместе с князем. Даже его отстранение от власти весной 1894 г. Кобургом не поколебало позицию русского царя. Хотя, устраивая отставку «спасителю» Болгарии, оппозиционные силы надеялись, что она положит начало процессу нормализации отношений с Россией. На это рассчитывал и сам Фердинанд, охотно пожертвовав своим «надзирателем». Князь сумел отлично сыграть финальную партию своей борьбы со Стамболовым. Достаточно вспомнить хотя бы сюжет с изменением вероисповедания его сына Бориса, рожденного в католическом браке с Марией-Луизой Пармской. Здесь Стамболов, проведя 28 мая 1893 г. через Великое Народное собрание изменение конституции, которым разрешалось престолонаследнику принадлежать к неправославному вероисповеданию, рассчитывал укрепить католическую династию Кобургов в Болгарии и облегчить международное признание страны. Однако тем самым, как писал П.Н. Милюков, Стамболов, сам того не желая, дал козырь для «будущей торговли с русскими дипломатами» и «ставил самого себя в положение единственного препятствия на пути к примирению»¹².

Болгарский Бисмарк был отправлен «на отдых» с скриптом. Только урегулирование отношений с Россией давало Софии возможность узаконить династию Кобургов на болгарском престоле, облегчить вхождение в Европу и с новой силой заняться решением третьего этапа по воссозданию единства болгарского народа — македонским вопросом.

Тем не менее, в болгарской столице не могли не понимать, что принесение Стамболова в жертву будет недостаточно, и Россия продолжит методично настаивать на устранинии Фердинанда. Но надежда оставалась уже в силу того, что сама отставка Стамболова давала повод для нового разбора болгарского вопроса в Петербурге и возможного изменения правительственного курса. В самой стране шли многочисленные митинги с требованиями скорейшего восстановления отношений между Болгарией и Россией. В МИД России считали уход Стамболова лишь началом процесса по удалению князя.

20 октября 1894 г. Александр III скончался. В следующем году погиб Стамболов. 3 июля 1895 г. на него было совершено покушение тремя выходцами из Македонии, вооруженными отравленными ятаганами, мстивших за своих близких, пострадавших во время правления Стамболова. В агонии умиравший сказал: «Это Кобург убил меня...». По мнению русского военного агента в Софии Г.Д. Романовского (донесение от 29 августа 1916 г.), а также позднейших исследователей, в убийстве был замешан Фердинанд¹³.

Для русской дипломатии, сломившей упорство молодого императора Николая II, вознамерившего было продолжать политику своего отца, примирение означало путь к восстановлению влияния в славянской стране, играющей отведенную ей роль в стратегических планах России. Сам князь Фердинанд ради сохранения своей династии дал согласие на крещение 2 февраля 1896 г. своего первенца Бориса Клеменса Роберта Марию Пия Людвиг Станислава Хавьера (1894–1943), принца Саксен Кобург Гота по православному обряду (Крестным отцом Бориса стал русский царь). Вслед за восстановлением русско-болгарских отношений остальные великие державы поспешили признать законность Кобургского на престоле. Многолетняя тяжба кончилась. Русско-болгарский конфликт был похоронен вместе с Александром III.

Наступали новые времена и для Болгарии, и для ее князя, награжденного новым императором орденом Св. Владимира I степени. Стремясь «ублаготворить» Россию и «утешить» Болгарию, князь Фердинанд в одном из своих выступлений того времени заговорил об «оживляющих лучах восточной зари в противоположность мертвящему зною западного союза». Однако эти высокопарные слова так и остались словами. Главное было в другом – Болгария вновь появилась на международной арене, чтобы с новой силой продолжать борьбу за воссоединение всех болгар.

А что же Стефан Стамболов? В чем была его роль? Чему он научил своих соотечественников? Была ли его деятельность напрасной жертвой или нет?

Судя по мемориальной табличке, укрепленной на месте покушения Стамболова, не снимаемой при всех властях, а также по памятнику, воздвигнутому в центре Софии, болгары чтут память своего государственного деятеля, посмеявшегося побороться с Россией. Для многих из них фигура Стамболова есть олицетворение стремления своей страны к свободе и независимости, правда, добавлю, через насилие. И любовь к свободе Болгарии «воспитывалась» зачастую «палкой». Было ли это эффективным средством? Вероятно, нет. А может быть, да!

Тем не менее, этот эпизод из истории строительства государственности Болгарии свидетельствует только об одном — для достижения своих целей возможны любые средства. Таков тривиальный вывод из этой нетривиальной ситуации.

¹ *Тодев И.* Граф Игнатиев и принципът за единство на православието // Исторически преглед. – 1991. – Кн. 7. – С. 80.

² *Славейковъ П. Р.* Избрани съчинения. – Книга първа: Стихотворения. – София, 1901. – С. 49–50.

³ *Раковский Г.С.* Преселение в Русия или руската убийствена политика за българити. – София, 1886. – С. 12.

⁴ Цит. по: *Косик В.И.* Русская политика в Болгарии 1879–1886. – М., 1991. – С. 94.

⁵ См. там же. – С. 132.

⁶ *Генерал Анастас Бендерев.* Спомени. Писма. – Б. м., 1999. – С. 161.

⁷ *Стамболов Ст.* Дневник. – София, 1991. – С. 106–107.

⁸ Новое время. – 1886. – 1 октября.

⁹ Цит. по: *Ризов Д.* Разлагающа се и възраждающа се България. – София, 1894. – С. 34.

¹⁰ *Pears E.* Forty years in Constantinople (1873-1915). – London, 1916. – P. 193.

¹¹ *Косик В.И.* Время разрыва Политика России в болгарском вопросе 1886–1894 гг. – М., 1993. – С. 67.

¹² *Милюков П.Н.* Болгарская конституция // Русское богатство. – № 9. – СПб, 1904. – С. 60.

¹³ Записка бывшего военного агента в Софии Г.Д. Романовского о деятельности Фердинанда Кобурга, 1916 год / Публикация В.Б. Каширина // Вопросы истории. – 2004. – № 7. – С. 6, примечания. С. 8.